

«ОСТРОМИРОВА ЛЕТОПИСЬ»

Б. А. Рыбаков

Изучение русских исторических концепций XI—XII вв. представляет для нас двойкий интерес: во-первых, оно позволяет полнее представить развитие общественно-политической мысли на Руси, а во-вторых, дает возможность строже подойти к использованию летописных сводов, которые все еще (несмотря на ряд критических работ) иногда рассматриваются как источники, адекватные исторической действительности.

Нет надобности повторять, что для изучения исторической мысли XI—XII вв. очень важно проследить первое появление тех легенд о происхождении Русского государства, которые на несколько столетий вперед разделили историков на два лагеря: норманистов и антинорманистов.

Д. С. Лихачев считает первым норманистом в русской истории летописца Нестора, автора знаменитой «Повести временных лет»¹.

К высказываниям Д. С. Лихачева нужно сделать две поправки: во-первых, проваряжская тенденция проводилась в «Повести временных лет» не автором ее, Нестором, а редактором 1118 г., лицом, очень близким к князю Мстиславу Владимировичу (сыну Мономаха, внуку английского короля), для которого ходячая легенда о призвании трех братьев была личным семейным преданием; во-вторых, этот редактор, круто обращавшийся с попаршим к нему в руки текстом Нестора, не был первым, внесшим легенду о призвании варягов в русское летописание. А. А. Шахматов в свое время на основании очень кропотливых изысканий установил, что варяжской легенды еще не было в предполагаемом им киевском своде 1039 г. и что она появилась в киевском своде 1073 г., будучи взята из новгородского летописания середины XI века².

В каком виде появилась на страницах исторических сочинений легенда о призвании варяжских князей, мы выясним в дальнейшем, а здесь следует сказать, что закрепилась она в летописании XII в. не без участия третьей (1118 г.) редакции «Повести временных лет». После киевского восстания 1113 г., заставившего феодальные верхи призадуматься над обоснованием своей власти, и после приглашения в Киев Владимира Мономаха, сразу же создавшего новые правовые нормы, новгородская легенда о приглашении князя, «иже рядил бы ны по праву», приобрела новый смысл. На многие века была найдена удобная формула о «добровольном» приглашении князей народом и о бедствиях безвластия.

В русской исторической литературе XI в. существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства. Со-

¹ «Нестор явился первым норманистом в русской истории. Он утверждал норманское происхождение княжеского рода и самого названия Руси». Однако «норманская теория» печерских монахов была теорией прежде всего антигреческой и, по тем временам, общерусской». Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947, стр. 153, 159.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, стр. 296, 307, 314, 315. Древнейший киевский свод «ничего не знал ни о Рюрике, ни о Синусе и Труворе» (стр. 315).

гласно одному взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно другому — Новгород. Все зарубежные источники подкрепляют первый взгляд, выдвигая на главное место Киев и не упоминая Новгорода. Договоры Руси с Византией и вся фактическая история русских земель X—XI вв. подтверждают старшинство Киева. Поэтому представляет значительный интерес выяснение вопроса о времени и месте появления литературной традиции, связывающей начало русской государственности с Новгородом и «призванием варягов» в Новгород, традиции, закрепленной третьей редакцией «Повести временных лет».

А. А. Шахматов справедливо полагал, что государственность на юге, в Киеве, покоилась на более прочном основании, чем на севере, в Новгороде, и что легенда о призвании князей вставлена новгородским книжником в более раннюю киевскую хронику: «Перед нами тот самый новгородский книжник, который другой раз, при других обстоятельствах сумеет отстоять вольности родного города от поползновений пришлого князя»³.

При этом, как установил тот же исследователь, новгородские летописцы нередко были весьма тенденциозны и пользовались очень примитивными приемами грубых переделок текста, вставок, замен имени Киева именем Новгорода и т. д.

Большой интерес представляет реконструированный А. А. Шахматовым текст новгородского летописного свода 1050 г. с дополнениями до 1079 года⁴. Некоторые неточности, допущенные Шахматовым, позволили последующим исследователям скептически относиться к его гипотезе о существовании свода 1050 года. Так, М. Н. Тихомиров писал: «В самом деле, если существовал новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой состав все новгородские известия XI века. Между тем «Повесть временных лет» включает в свой состав лишь ничтожное количество их. Существуют Новгородские летописи, которые дают новгородские известия первой половины XI в., отсутствующие в «Повести временных лет». Таковы сообщения о клевете на епископа Луку в 1055 г., о построении в 989 г. деревянного собора Софии с 13 куполами, о епископе Стефане, которого удавили в Киеве его же холопы, и т. д.»⁵.

Во-первых, что касается свода 1050—1079 гг., как он представлялся Шахматову, то все эти известия в нем есть: о построении Софийского собора — на стр. 616, о клевете на епископа Луку — на стр. 626, об удалении епископа Стефана в Киеве — на стр. 628.

Во-вторых, что касается использования данного свода автором «Повести временных лет», то отбор новгородских известий в 1113 г. киевским автором по своему вкусу никак не может быть аргументом против существования свода 1050 г. в Новгороде. Киевский летописец мог вполне обдуманно «забыть» о новгородском соборе Софии, построенном на полвека раньше, чем в Киеве (и послужившем образцом для киевского собора); о том, что киевский митрополит, поверив клевете, напрасно продержал Луку три года под арестом в Киеве, и, наконец, о том, что восстание 1068 г. в Киеве приняло такие размеры, что холопы задушили епископа.

Д. С. Лихачев предложил новое и оригинальное решение вопроса об источнике новгородских известий в «Повести временных лет». Отвергая мысль о новгородских письменных источниках, Д. С. Лихачев полагает, что основой новгородских известий в летописи (включая и легенду о призвании варягов) были устные рассказы Яна Вышатица и Вышаты, генеалогию которых Д. С. Лихачев возводит к воеводе князя Игоря — Свенель-

³ Там же, стр. 297, 298.

⁴ Опубликован в виде приложения к «Разысканиям» (стр. 611—629, 660—661). Обоснования занимают несколько глав книги.

⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Т. 1. М. 1940, стр. 55.

ду, опираясь при этом на гипотезу А. А. Шахматова «о сказочных предках Владимира»⁶.

Слабыми пунктами построения Д. С. Лихачева являются, во-первых, переоценка предполагаемых бесед Вышаты с летописцем Никоном и недооценка новгородской письменности в XI веке. Приводимые Шахматовым убедительные доказательства существования новгородского свода середины XI в. не были разобраны и опровергнуты Д. С. Лихачевым.

Во-вторых, «устная летопись семи поколений», о которой говорит Д. С. Лихачев, содержит одно крайне слабое генеалогическое звено, устранение которого необходимо для правильной оценки не только летописи, но и ряда исторических лиц. В работе А. А. Шахматова самым неубедительным местом является XIV глава его «Разысканий», посвященная генеалогии князя Владимира⁷. Сущность допущений А. А. Шахматова сводится к следующему: летопись говорит о том, что отцом Добрыни и Малуши (матери князя Владимира, ключницы Ольги) был Малко Любечанин; путем натяжек и предположений Шахматов стремится доказать, что Малко Любечанин — это древлянский князь Мал (Мал Колчанин из города Клеческа), он же Лют Свенельдич, он же Мискиня, он же Мстиша, он же Мстислав Лютый, он же Никита Залешанин. Малуша, его дочь, сопоставляется с какой-то Малфредью, о смерти которой говорится в летописи⁸. Отцом Мала-Люта-Мискини-Мстислава-Никиты и дедом Малуши-Малфреды Шахматов считает воеводу Свенельда, которого летописец тоже будто бы путал и называл Блудом; кроме того, он строит еще одну цепь предположений, допуская, что этот многоименный Свенельдич убил князя Игоря в 945 г. и вместе со своим отцом стал «народным героем». В этот клубок имен оказались вплетенными чуть ли не все деятели X века. Во всем этом нагромождении натяжек, столь необычном для строгого исследовательского метода Шахматова, можно отметить ряд чисто исторических несообразностей:

1. Город Къльчъск, предполагаемый домен Мала Колчанина, далек от древлянской земли и находится в земле дреговичей.

2. Если сын Свенельда убил Игоря, то очень трудно представить

⁶ Д. С. Лихачев «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», 1945, № 17; его же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Автор пишет: «Повидимому, все новгородские известия Повести временных лет, имеющиеся в ней как раз до 1064 г.— года встречи Вышаты и Никона,— вставлены в летопись именно Никоном на основании рассказов Вышаты» (стр. 88—89). Еще более определенное изложение этого взгляда находим на стр. 93 (прим.). Здесь Д. С. Лихачев возражает Шахматову и всю историю Новгорода сводит к семейным преданиям: «Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений» (стр. 113).

Для пояснения последующих генеалогических построений можно привести такую таблицу поколений:

1.	1. Свенельд
2. Игорь	2. Лют (он же Мал, Мискиня, Никита Залешанин)
3. Святослав, Малуша	3. Добрыня
4. Владимир	4. Константин
5. Ярослав	5. Остромир
6. Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод	6. Вышата
7.	7. Ян и Путята

Сомнительным звеном в этой росписи являются Свенельд и Лют Свенельдич. Отцом Добрыни и Малуши следует считать Малка Любечанина; дальнейшая генеалогия потомков Добрыни достоверна.

⁷ Этот вопрос впервые был поднят А. А. Шахматовым в небольшом этюде «Мстислав Лютый в русской поэзии» («Сборник в честь Н. Ф. Сумцова». Харьков. 1907), но уже через год автор отказался от ряда положений.

⁸ Дата смерти Малфреды — 1000 год. Если бы она действительно была матерью князя Владимира Святого, то летописец непременно отметил бы это.

себе (особенно после рассказа летописи о кровавом мщении Ольги), что бы отец убийцы Свенельд был полководцем жены и сына убитого князя.

3. Трудно допустить, чтобы летописец, позволивший себе вторгнуться в вопрос о происхождении князя Владимира, мог так грубо ошибиться и неправильно назвать деда этого прославленного князя.

4. Если Свенельд, являвшийся своего рода мажордомом киевского князя Игоря и сумевший «изодеть свою дружину оружием и порты» так, что сам князь ему позавидовал, был действительно родоначальником Владимира, то как понять заносчивость Рогнеды, не пожелавшей «разуть робичича»? Правнук Свенельда, владевший древлянами и уличами, был ровней дочери Рогволода, властвовавшего над одними полочанами.

5. Допуская, что родословная Владимира восходит к Свенельду, мы должны будем признать, что в событиях 977 г. Свенельд выступил полководцем войск сводного брата своего правнука (войск Ярополка).

Количество таких несообразностей можно было бы увеличить, но и без того ясна необоснованность данного раздела труда Шахматова⁹.

Таким образом, предполагаемая Д. С. Лихачевым «устная летопись семи поколений» лишается своих начальных звеньев. Устный же характер передачи новгородских известий X—XI вв. также должен быть подвергнут большому сомнению: в летописи содержатся в значительном количестве точные даты, имена второстепенных лиц, описание погоды в тот или иной знаменательный день, точные топографические приметы и даже не подлежащий сомнению (в смысле своей вещественности) текст «Русской Правды».

Находки в Новгороде берестяных грамот, одновременных своду 1050 г. и написанных малограмотными «черными людьми», заставляют усомниться в том, что династия новгородских посадников, родичей киевских князей, пользовалась только «изустной практикой родовых и семейных преданий». Д. С. Лихачев прав в одном, что «в новгородских известиях киевской летописи определено чувствуется нарочитое внимание к истории новгородских посадников»¹⁰.

Пересмотр доказательств Шахматова и всех возражений ему убедил меня в научной обоснованности его реконструкции новгородского свода 1050 г., требующей лишь частных поправок.

Самая существенная поправка касается времени окончания свода. Устанавливая 1050 год как дату завершения работы сводчика, Шахматов руководствуется, по существу, только одним соображением: «Замысел создать свод возник под влиянием обстоятельств, сходных с теми, что вызвали создание свода Киевского, т.-е. под влиянием построения нового соборного храма... Новгородский свод составлен в 1050 г. по распоряжению новгородского владыки Луки и князя новгородского Владимира в ознаменование построения нового храма св. Софии»¹¹. Однако, если принять совершенно справедливое деление новгородских известий середины XI в. на основной свод и на добавочные приписки (продолжавшиеся вплоть до 1079 г.), то рубежом между двумя этими частями никак не может быть 1050 год: по обе стороны этой даты мы видим одинаковое изложение с одной и той же степенью подробности, с одинаковым интересом как к церковной, так и к светской истории.

Некоторой гранью является 1054 год — год смерти Ярослава Мудрого, год смены новгородского посадника. После этой даты новгородские

⁹ К чести А. А. Шахматова нужно сказать, что в реконструкции текста свода 1050 г. он везде точно оговорил свои домыслы и поправки.

¹⁰ Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет, стр. 212.

¹¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 515. Точные даты, появившиеся в своде, автор связывает с «членом причта этой церкви». «Источниками свода» Шахматов считает новгородские записи 1017 и 1036 гг. и киевскую летопись.

известия вплоть до 1061 г. касаются только церковных событий, связанных с владычным двором епископа Луки.

Вторым доказательством существования грани между летописью и приписками к ней именно в 1054 г. является упоминание о смерти посадника Остромира. В Софийской 1-й летописи оно помещено под 1054 г., сразу же после описания смерти Ярослава Мудрого и его завещания: «И прииде Изяслав к Новгороду и посади Остромира в Новгороде. И иде Остромир с новгородци на Чюдь и убиша его Чюдь и много паде с ним новгородцев»¹². Давно уже известно, что приписка к знаменитому Остромирову евангелию, написанному в 1056—1057 гг., свидетельствует о том, что Остромир был жив спустя три года после записи 1054 г. о его смерти¹³.

На этом основании Шахматов правильно расчленяет приведенную выше летописную запись на две части и вторую часть, повествующую о смерти Остромира, довольно убедительно относит к 1060 году¹⁴. Таким образом, время деятельности Остромира расширяется с одного года до шести лет; Остромир был поставлен новгородским посадником князем Изяславом Ярославичем тотчас же после смерти своего отца Ярослава. В 1056—1057 гг. Остромир заказал великолепное евангелие, написанное торжественным уставным письмом и с княжеской роскошью украшенное многоцветными инициалами и высокохудожественными миниатюрами, как бы воспроизводящими перегородчатую эмаль с ее золотыми контурами. Для того чтобы оценить значение этой древнейшей дошедшей до нас книги, достаточно сказать, что в XII в. сын Мономаха, Мстислав, заказывая евангелие, взял за образец евангелие Остромира.

Большой исторический интерес представляет приписка писца евангелия дьякона Григория: «Написах же евангелие се рабу божию, наречену сущу в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир, близоку сущу Изяславу князю. Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера.

Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве.

А брата своего стол поруци правити близоку своему Остромиру Новгороде».

Из этой приписки явствует не только то, что вопреки летописцу Остромир жил в 1056—1057 гг., но и то, что он был в зените своей славы и власти. Родственник («близок») великого князя, он рассматривал свое посадничество в Новгороде почти как соправительство. Горделивый тон приписки ставит Остромира-Иосифа вровень с ранее умершим новгородским князем Владимиром Ярославичем и в то же время умаляет историческую роль Ярослава Мудрого, упоминая его только как киевского князя, который имел лишь одну из двух «властей» на равных правах со своим сыном, владевшим второй «властью» — Новгородом. В этой короткой, но выразительной приписке чувствуется определенная политическая программа, столь характерная для новгородского боярства с его стремлением к сепаратизму и соперничеством с Киевом.

Двукратное подчеркивание родства Остромира с князем Изяславом Ярославичем привело Д. И. Прозоровского к остроумной догадке, что Остромир был, по всей вероятности, сыном новгородского посадника Константина Добрынича, двоюродного брата князя Владимира Святославича¹⁵. Таким образом, Остромир приходился молодому Изяславу трою-

¹² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. V, стр. 139.

¹³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 1. Киев, 1908 г., стр. 676. «Летописец соединил в одну запись известия об Остромире». См. Остромирово евангелие 1056—57 г. Фотолитографическое издание И. К. Савинкова. СПб. 1889.

¹⁴ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 524—525.

¹⁵ Д. И. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб. 1892, стр. 3; Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет, стр. 211.

родным дядей и внуком былинному Добрыне Никитичу. Судьба его отца, посадника Константина, была трагической: помешав однажды разбитому в бою Ярославу Мудрому бежать к варягам в Швецию, Константин Добрынич навлек на себя княжеский гнев и был заточен в Ростове, а через три года был убит в Муроме по приказанию своего троюродного брата. Летопись сохранила нам имена и потомков Остромира: сын его Вышата бежал из Новгорода с князем Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань, а внуки его, Ян и Путята, были известными киевскими вельможами. Высокое положение Остромира в Новгороде (особенно после смерти Ярослава) делает понятным для нас внимание, уделяемое ему и его роду в летописи.

Как же объяснить непозволительную хронологическую путаницу и объединение начала и конца его деятельности под одним годом? Учитывая наличие цезуры в новгородских летописных известиях, приходящейся на этот же 1054 г., мы можем допустить, что какой-то летописный свод оканчивался в 1054 г. кратким упоминанием о смерти Ярослава и записью: «...посади Остромира Новгороде».

Единственным событием, которое первоначально было записано на этой же странице вслед за упоминанием посадничества Остромира, явилась запись о его смерти в бою с чудью, происшедшей около 1060 года. Других событий 1054—1060 гг. записано здесь, очевидно, не было, и только потом другой рукой было вписано в летопись повествование о превратной судьбе епископа Луки Жидята, что нарушило действительную последовательность событий.

Летопись, обрывавшаяся описанием смерти Остромира, предположительно можно назвать для удобства обозначения «Остромировой летописью»; основное изложение ее было доведено до смерти Ярослава Мудрого, а временем ее оформления, может быть, следует считать 1054—1060 гг., так как это произведение, безусловно, не было только суммой погодных записей, а, как доказал Шахматов, являлось сложным по своему составу историческим трудом.

«Остромирова летопись» — это шахматовский новгородский свод 1050 г., продолженный до 1054 г. и дополненный некоторыми мелкими известиями, опущение которых Шахматовым недостаточно обосновано.

В описании событий эпохи Ярослава Мудрого в этой летописи явно ощущаются два различных автора. Один писал основной текст, а другой вносил редакционные добавления и в ряде мест разрезал текст дополнительными вставками. Самая заметная из них имеет заголовок «Начало княжения Ярослава в Киеве» и дает как бы конспект крупных событий середины XI в., выделяя положительную сторону княжения Ярослава: его благочестие, строительство церквей, борьбу с печенегами. Некоторые события, подробно изложенные в основном тексте, упомянуты и в этом конспекте и хронологически даже раньше, чем в самой летописи.

В другом месте редактор, дополнявший текст, повествует об организации Ярославом училищ в Новгороде. Здесь выясняется и личность этого редактора: он ученик Ефрема, бывшего, в свою очередь, учеником первого новгородского епископа Иоакима¹⁶.

Если задачи этого благочестивого редактора вполне ясны и не выходят за рамки стандартных средневековых хроник, угодливых к князьям и епископам, то совершенно иное мы находим в основном тексте «Остромировой летописи». Это почти политический памфлет, направленный против Ярослава Мудрого и враждебный к варягам-наемникам. Обрисован

¹⁶ «И преставися епископ Иоаким и бяще ученик его, Ефрем, иже ны учаше». ПСРЛ. Т. V, стр. 136. Софийская 1-я летопись 1030 года. С именем этого ученика Ефрема нужно связать, очевидно, и рассказ о наказании волхвов в Суздале в 1024 году. Может быть, к этому редактору текста «Остромировой летописи» и следует отнести слова Шахматова о члене софийского причта. По расчету лет, он должен был жить во второй и третьей четвертях XI века.

ному в мрачных красках Ярославу противопоставлены как хорошие правители, с одной стороны, его отец, великий князь Владимир Святославич, а с другой — сын самого Ярослава, Владимир Новгородский.

Рассмотрим подробнее состав «Остромировой летописи»¹⁷. Летопись открывается кратким рассказом о построении Киева тремя братьями, взятым из каких-то киевских сказаний X — начала XI века. Хронология этого события была не особенно ясна новгородскому летописцу.

Вторым параграфом «Остромировой летописи» было знаменитое сказание о призвании варягов, впервые появившееся тогда на страницах русских книг¹⁸.

Однако сочинителя сказания, использовавшего широко ходившие в то время во всей Северной Европе легенды о призвании трех князей, никак нельзя назвать «норманистом». Существование варягов, их грабительские набеги, захват ими городов — все это было историческим фактом, особенно хорошо известным новгородцам. Задача новгородского историка середины XI в. заключалась в такой обрисовке этого несомненного факта, при которой наименее всего страдало бы самолюбие новгородцев. Сообразно этому события излагались так: сначала словене, кривичи, меря и чудь платили варягам дань; часть варягов, оказавшаяся внутри земель этих племен, «насилие деяху» им. Тогда перечисленные племена начали войну с варягами, выгнали варягов за море «и начаша владети сами себе». Этот тезис о новгородском самоуправлении на долгое время становится лейтмотивом новгородского боярского летописания, формулой феодально-республиканской идеологии.

Недаром рассказ об изгнании варягов связан с построением Новгорода как оплота местного населения и с избранием старейшиною Гостымысла. Воинственное начало новгородской истории здесь в известной мере противопоставлено более скромному началу общерусской истории, ознаменованному постройкой Киева. Нет еще и грубого, бесцеремонного оттеснения Киева на второй план, но чувствуется, что все внимание автора устремлено к героической истории Новгорода и свободолюбивым новгородцам.

Появление новых варяжских отрядов в 860—870 гг., привлеченных известиями о могуществе Киевской Руси, державшей к этому времени в своих руках путь «из грек в варяги», облечено автором «Остромировой летописи» в приличную (хотя и недостоверную) форму преднамеренного и вполне добровольного призывания варягов новгородцами.

Боясь усобиц и внутреннего разлада, новгородцы искали себе такого князя, «иже бы владел нами и рядил ны по праву»¹⁹.

В повествовании о Рюрике, Синеусе и Труворе летописец, очевидно, воспользовался каким-то варяжским устным рассказом, где речь шла о приходе конунга Рюрика со своими родичами («Синеус») и верной дружиной («Трувор»). Анекдотические «братья» Рюрика только подтверждают легендарность «призвания» и его источник — устный скандинавский рассказ.

Третьим параграфом летописи можно считать цикл рассказов об Олеге. Происхождение Олега для летописца ясно: «И бысть у них (варягов) князь именем Олег...». Без особой симпатии к Олегу рассказывается (может быть, по киевским источникам) о том, как предводитель варягов

¹⁷ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 611—629.

¹⁸ Там же, стр. 315. Оставив в стороне сомнительные предположения Шахматова о киевском своде 1037—1039 гг., мы можем принять его основную мысль о том, что до новгородского свода нигде эта легенда не появлялась.

¹⁹ У автора «Остромировой летописи» очень ясное представление об этнической принадлежности варягов: он четко отделяет их от словен и чудь, указывая, что в Новгороде и в его время находились люди варяжского происхождения. Наконец, он сообщает, что воины Олега (и варяги и словене), попав в Киев, стали называться русью.

обманным путем овладел столицей Руси Киевом. Сквозь дымку саг и легенд, окутывающую имя Олега, здесь проступают вполне реальные черты варяго-русских взаимоотношений на рубеже IX и X столетий: базой «находника» Олега являлся не Киев, с которым он очень мало связан, даже не Новгород, а Ладога, куда он шел после царьградского похода. Судьба этого князя, которого позднейшие историки изображали основателем Русского государства, была плохо известна на Руси. Совершив во главе русских войск удачный поход на Византию, запугав греков и собрав колоссальную контрибуцию в 48 тыс. гривен золота, Олег исчез из поля зрения русских людей, не оставив ни потомства, ни даты своей смерти. Последним городом, где видели этого конунга, была Ладога; далее его след терялся: одни говорили, что в Ладоге он и умер, «друзие же сказуютъ, яко идущю ему за море и уклону змия в ногу и с того умре» (свод 1093 г.)²⁰.

Отношение к варягам как к появляющимся из-за моря «находникам» выразилось и в том, что в эпоху Олега варягам платили дань «от Новгорода 300 гривен на лето, м и р а д е л я, еже и ныне дають»²¹.

Новгородский летописец не рассматривает эти ежегодные платежи как государственный налог (об этом у него речь пойдет ниже); он точно определяет, что Новгород откупается от варягов, оберегая себя от их неожиданных нападений.

Четвертым параграфом «Остромировой летописи» является пересказ южнорусских сведений об Игоре и его жене псковитянке Ольге. Подчеркнута жадность Игоря, описано убийство его древлянами, но косвенно в злоупотреблениях обвиняется воевода Свенельд, собиравший слишком богатую дань, что вызывало зависть княжьих мужей. О княгине Ольге приводится только одно хорошее. Былины о жестокой мести Ольги еще не включены в летопись, подробно говорится о принятии ею христианства, и указывается год этого события — 955.

Следующий раздел посвящен княжению Святослава и составлен, вероятно, также на основе киевских источников. Рассказав о победах Святослава, о разгроме Хазарии, подчинении Северного Кавказа, победе над печенегами и о переносе столицы на берега Дуная («яко то есть середя земли моеи»), автор «Остромировой летописи» переходит к описанию новгородского посольства, пришедшего к Святославу просить себе князя. Тон посольских речей гордый и независимый; не обращая внимания на громкую славу завоевателя, новгородцы, в изображении своего соотечественника, предъявляют великому князю и его сыновьям почти ультимативное требование: «Аше не поидете к нам, то налезем князя себе». Опять тот же знакомый нам мотив: новгородцы сами распоряжаются судьбой своей земли. Они выбрали побочного сына Святослава — Владимира. Трудно сказать, насколько исторически достоверны подобные переговоры между Святославом и делегатами Новгорода, но настроение летописца этот рассказ характеризует достаточно полно. Далее следует хорошо известное красочное описание княжения Владимира.

Однако героем летописца не всегда является сам Владимир: очень часто в центре его внимания оказывается фигура эпического богатыря, родного дяди великого князя и родоначальника первой династии новгородских посадников — Добрыни. Летописец характеризует его как полководца и государственного деятеля: «бе Добрыня храбр и наряден муж». Могучая и грозная фигура мажордома нередко заслоняла собой облик молодого князя; летописный Добрыня, как и его былинный двойник, преисполнен феодальных доблестей: он наблюдателен на войне, крут с населе-

²⁰ Не удивительно, что русские люди, современники Остромира, начинали перечень прославленных киевских князей с «Игоря Старого», а не с бродячего конунга Олега (митрополит Иларий).

²¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 612. В своде 1093 г. последние слова («еже и ныне дають») исправлены: «Еже даваше до смерти Ярослава».

нием (мечом крестил Новгород), страшен в своей мести, когда, «исполнися ярости», приказывает племяннику обесчестить дочь побежденного врага.

Описание княжения Владимира завершается поистине эпической картиной благоденствия Руси: враги побеждены, соседи дружественны; Русь крещена, воздвигнуты храмы, построены крепости на юге, уничтожены разбойники; послушные сыновья распределены по землям; городской люд толпится на княжьем дворе у полных столов; телеги развозят для бедноты хлеб, мед и фрукты; дружина пирует на серебре и золоте; бояре думают с князем «о строе земельном и о ратех и о уставе земельном...».

И вот из этого идиллического царства, построенного не без участия Добрыни, автор «Остромировой летописи» переносит нас в княжение Ярослава. Окраска событий резко меняется. С матерью этого князя летописец уже познакомил читателя: это над ней, над заносчивой Рогнедой, юный княжич надругался на глазах ее родителей. Позор матери Ярослава Мудрого обдуманно обнародован и увековечен летописцем. Это своеобразный эпиграф к биографии Ярослава.

Первое государственное дело Ярослава (как новгородского князя), с которым нас знакомит летописец, — это нарушение им «урока», то есть государственной повинности по отношению к главе державы, киевскому князю, и военным силам, размещенным в Новгороде. Нужно было отсылать в Киев ежегодно 2 тыс. гривен, а на одну тысячу содержать дружинников в Новгороде. Это были значительные суммы; они в десять раз превышали уплачиваемые варягам «ради мира». Но таков был установленный порядок — «тако даяху вьси князья новгородьстии». Ярослав же своему родному отцу этого не давал, очевидно, удерживая эти суммы у себя. Нарушение «урока» вызвало законный гнев отца, собравшегося в поход на слишком самостоятельного сына. И новгородский летописец в этом случае не сочувствует сепаратизму Ярослава, так как из текста летописи явствует, что от нарушения «урока» страдают интересы новгородских воинов, на которых зиждилась действительная независимость Новгорода. Варяги были еще опасной силой, и Новгороду важно было противопоставить им силу своих «гридей». В этих условиях проступок Ярослава становился преступлением.

Вторым действием Ярослава было обращение к тем самым варягам, от которых покупались деньги. «Ярослав же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего».

Все это описано летописцем на фоне трагических событий в «Русской земле», где уже умер князь Владимир, где убийцы, посланные его сыном Святополком, уже совершили два убийства, устраняя братев-соперников. Ярослав в Новгороде, не зная о смерти отца, «кормляше варяг много, бояси рати». Князь оказался слишком слабым для того, чтобы справиться с буйными наемниками, приготовленными им для войны с отцом, — «и начаша варязи насиле деяти новгородьцем и женам их». Летописец прямо обвиняет Ярослава в попустительстве варягам. Новгородские бояре с оружием в руках защитили свою честь и честь своих жен.

За этим последовало еще одно преступление Ярослава. Он, как известно, «обольстил» новгородских нарочитых мужей и, зазвав их к себе обманом, «иссече вои славных тысящу, а друзии бежаша из града». «Остромирова летопись» не без таланта пользуется приемом прямой речи и вкладывает в уста Ярослава покаянные слова, где он признается, что избивание новгородцев совершил «в безумии своем».

Немногие из феодальных историков доводили своих героев до такого самоуничтожения. Новгородцы, забыв обиды, выставили войско, которое победоносно вошло в Киев, добыв своему «безумному» князю «отень стол» в 1017 году²².

²² Три месяца стояли на берегах Днепра близ Любеча оба враждебных войска. Летописец старательно пересказывает оскорбления, наносимые Ярославу, которого на-

Водворив Ярослава в Киеве, «Остромирова летопись» как бы прощается с ним как с новгородским князем. Оказывается, он княжил в Новгороде 28 лет. Оценка его длительного княжения дана в перечисленных выше эпизодах как пункты обвинительного акта.

Переходя на киевский стол, Ярослав поставил Новгороду посадником сына Добрыни — «идя Киеву посади Новгороде Костянтина Добрынича», — которого летописец изображает как смелого и решительного борца за интересы Новгорода, противопоставляя его Ярославу.

На втором году княжения Ярослав должен был оборонять свой киевский стол от Святополка, приведшего с собой польского короля Болеслава «с ляхы».

Ярослав предпринял большой поход навстречу врагам к русско-польской границе на Западный Буг, но об этом летописец говорит лишь мимоходом, как бы случайно. Но зато летописец не забывает упрекнуть Ярослава в плохом руководстве полками: полки еще не были приведены в боевую готовность, а воевода ярославовых войск неумеренной похвалой и незаслуженными оскорблениями привел Болеслава в такую ярость, что он один поскакал вброд и увлек за собой все войско; «Ярослав же не утягну исполчтися и победи Болеслав Ярослава». Тысячу верст проскакал побежденный князь с четырьмя спутниками и прибыл в Новгород.

Думаю, что в состав «Остромировой летописи» входило известие о Предславе, читаемое в Софийской 1-й летописи, сохранившей многое из новгородских известий XI века. Шахматов не включил это известие в свой свод 1050 г., так как считал его южным, киевским. Однако оно очень хорошо согласуется со всем духом «Остромировой летописи»: сначала летописец познакомил читателя с внешностью Болеслава: тучен, не может сидеть на коне, имеет «чрево толстое». Но вместе с тем он мудр и действительно смел. Оказавшись в Киеве на правах победителя, «Болеслав положи себе на ложе Предславу, дочь Володимирову, сестру Ярославлю», а убега из Руси, он «поволочи Пределаву»²³.

Позор любимой сестры, обергавшей год тому назад Ярослава от жестокости Святополка, — это тоже укор Ярославу, который возглавлял «множество вой», но не смог проявить обычной распорядительности полководца. Его полки оказались не построенными во время, и вот в результате этого его сестра стала наложницей победителя, а ее естественный защитник, брат Ярослав, вместо того, чтобы оборонять Киев, ускакал в Новгород, а оттуда собрался бежать за море, к варягам.

Здесь в «Остромировой летописи» освещается самый драматический момент борьбы Новгорода против князя, за независимость. Когда Ярослав пытался сесть на корабль, выступил уже известный нам посадник Константин Добрынич с новгородцами, и они привели в негодность корабли Ярослава, заявляя, что Новгород хочет продолжать борьбу за Киев. Летописец подробно пишет о том, как новгородцы собирали специальный налог для найма кондотьеров-варягов.

Рассказ о победе над Святополком записан, вероятно, со слов очевидца. Это — единственное место в «Остромировой летописи», где Ярослав показан хорошим полководцем. Но следует отметить, что стиль этого рассказа отличен от основного текста и имеет эпический оттенок. Шахматов предполагал, что рассказ о победе над Святополком восходит к более ранней новгородской летописи — 1017 года²⁴.

звали хромцом. О реакции князя на обидные речи летописец ничего не говорит. Когда же была затронута честь самих новгородцев (их обозвали плотниками), то они заявили о необходимости сражения. Не согласных участвовать в бою они, по словам летописца, казнили сами мечами («аще кто не поидеть с нами, сами потьнем»).

²³ ПСРЛ. Т. V, стр. 132.

²⁴ А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 660—661.

Результат победы Ярослава «Остромирова летопись» рассматривает прежде всего с точки зрения новгородцев. Победители-новгородцы были щедро награждены и в качестве главной награды получили от Ярослава такую-то «Правду» и «Устав» — документы, ограждавшие их права.

В Комиссионном списке Новгородской летописи в этом месте под 1016 г. помещена «Русская Правда». Конечно, это было сделано позднейшим сводчиком и несколько искусственно, так как сюда попала и «Правда Ярославичей» (около 1072 г.), но давно уже высказывалась мысль, что с новгородскими событиями 1016 г. связана «Древнейшая Правда», состоящая из 17 статей, посвященных различным городским происшествиям (убийство, нанесение увечий, оскорбления действием, угрозы, захват чужих коней и оружия и т. п.)²⁵.

В списке защищаемых «Правдой» лиц упомянуты различные социальные группы и жители разных сторон (русин-киевлянин и словенин-новгородец), но ничего не говорится о варягах. Статья 10-я специально оговаривает неполноправность варягов²⁶. Прав Л. В. Черепнин, считающий, что «Правда Ярослава» «ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников»²⁷. Быть может, одной «Правдой» не ограничивались «конституционные» трофеи новгородцев: ведь упомянут еще и «Устав», который мог определять нормы взаимоотношений Новгорода и Киева.

Включение в летопись документов, полученных новгородцами от Ярослава (очевидно, как условие их серьезной военной поддержки), создает в тексте известную цезуру. Впечатление цезуры усиливается вставкой, сделанной подобострастным церковником (см. выше), перечислившим все заслуги Ярослава за полтора десятка лет. Шахматов полагал, что вписанием ярославовой грамоты кончалась завершенная в 1017 г. летопись, ведшаяся при владычном дворе епископа Иоакима²⁸.

Не отрицая в принципе возможности существования новгородской летописи начала XI в., никак нельзя признать ее епископской. Все разобранные выше сведения носят чисто светский характер: герои событий никогда не обращаются ни к богу, ни к святым. Ни в рассказах о ранней истории Новгорода, ни в повести о плохом княжении Ярослава нет ни одной черты провиденциализма, неизбежного в церковной литературе.

Перед нами произведение, вышедшее не из епископского окружения, а из новгородской боярской среды. Это подтверждается и печальным, но очень точным рассказом о судьбе политического вождя новгородского боярства, организатора помощи Ярославу посадника Константина Добрынича.

То, что летописец не сообщает ничего ни о причине княжеского гнева, ни о виновности посадника Константина, которая могла бы как-то обелить неблагодарного князя, свидетельствует о том, что автор «Остромировой летописи» не стремился оправдывать Ярослава и сохранил для

²⁵ И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении «Русской Правды». Казань. 1920; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. I. М.-Л. 1948, стр. 240—248.

²⁶ Привожу параграф 10-й в своем переводе: «Если муж толкнет мужа или потянет к себе, то обиженный должен выставить двух свидетелей, и тогда обидчик платит три гривны. Если же (обидчиком) будет варяг или колбяг, то достаточно только клятвенного утверждения (обиженного)» («...или будет варяг или колбяг, то на роту»). См. «Памятники русского права». М. 1952, стр. 78.

²⁷ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 245. Не могу только согласиться с Л. В. Черепниным относительно того, что ««Правда Ярослава» — ряд между новгородским обществом и корпорацией варягов» (стр. 246). Смысл законодательства заключался в ограждении новгородцев от нанятой князем для своих целей буйной варяжской вольницы. Никаких элементов договора здесь нет. Упоминается не варяжский общественный двор, а дом одного варяга; это тоже против тезиса Л. В. Черепнина.

²⁸ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 509, 660—661.

потомков лаконичную, но точную, протокольную запись, внесенную в текст уже после казни Константина. Время ареста и казни посадника Константина нам достоверно не известно. Запись об этом находится в нарушенном месте летописи и явно не может относиться к 1019 г., так как тогда нужно было бы признать, что арест произошел в 1016 г., а мы знаем, что вмешательство Константина в дела Ярослава происходило в 1018 году.

Судя по всей исторической обстановке, репрессии Ярослава по отношению к новгородскому посаднику были маловероятны в 1016—1030 гг., когда князю очень нужны были союзники. В 1036 г. князь Ярослав стал «самовластцем» на Руси, враги его были побеждены, и в Новгород он явился с тремя новостями: поставил там князем своего 14-летнего сына Владимира, поставил на пустовавшую кафедру епископа Луку (Ефрем 5 лет «учил», но не был посвящен в сан) и дал Новгороду какую-то новую грамоту. Формула передачи грамот новгородцам в 1016—1019 гг. и в 1036 г. весьма различна. В 1016—1019 гг.: «И да им Правду и Устав списа в грамоту, тако рек им — по сей грамоте ходите, яко же списавам, тако же держите»; в 1036 г.: «И людем написа грамоту, рек — по сей грамоте дадите дань». Различие формул можно понять так, что в первом случае речь шла о самоуправлении Новгорода, а во втором — о платеже дани «самовластцу».

Обстановка в 1036 г. была более подходящей для расправы с главой новгородского боярства, чем в 1019 году. Наличие в оригинале летописи двух грамот в двух разных местах могло спутать позднейших сводчиков, и рассказ о Константине мог попасть в соседство не с той грамотой, с какой ему надлежало бы быть.

Если бы подтвердилось предположение о расправе Ярослава с Константином в 1036 г., то это событие можно было бы рассматривать в связи с другим событием точно такого же порядка: в этом же году Ярослав арестовал своего брата Судислава, псковского князя, княжившего там полстолетия, и засадил его пожизненно в поруб. Расправа с Судиславом была несомненным проявлением автократизма Ярослава.

Выше уже приводилось мнение Д. И. Прозоровского, горячо поддержанное Д. С. Лихачевым, о том, что посадник Остромир, поставленный после смерти Ярослава, был сыном Константина Добрынича. Нельзя доказать степень их родства (ее можно только предполагать), но несомненно, что Остромир был близким родственником Константина. Поэтому, понятно, что летопись, условно названная мною «Остромировой», должна была упомянуть о смерти Константина Добрынича, несмотря на то, что причиной ее была воля самого князя.

На протяжении 1017—1054 гг. «Остромирова летопись» теряет свою монолитность, здесь чаще ощущаются вкрапления других источников, более зависевших от киевского князя, но голос новгородца, не протрившего Ярославу своих обид, продолжает слышаться.

Описание знаменитой Лиственской битвы 1024 г. полно сочувствия отважному тмутараканскому князю; нелюбовь к варягам (нанятым Ярославом) сказалась в том, что летописец старательно напоминал читателю о поражении варягов и варяжского князя Якуна. Последний выпад в адрес Ярослава содержится в статье 1036 г., когда летописец упомянул о походе Ярослава на ятвягов с ядовитым примечанием — «и не можаху их взяти».

Яркая антиваряжская статья содержится в летописи под 1043 годом. Она записана, вероятно, со слов Вышаты Остромирича, воеводы, участвовавшего в морском походе на Византию. Здесь совершенно четко варяги отделены от русских: когда корабли дошли до дунайских гирл, «рекоша Русь Володимеру: станем зде на поли. А Варязи рекоша поидем в лодиях под город»²⁹.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1, стр. 137. Софийская 1-я летопись.

Более ясного определения того, что варяги и русь не одно и то же, в летописи нет. Оказалось, что предложение варягов привело к гибели части кораблей и к злоключениям русских воинов, ослепленных византийцами. Сами же варяги «побегоша вспять». Нерасчетливости и трусости варягов летописец противопоставляет рыцарскую доблесть Вышаты Остромирича — воеводы новгородских полков: когда 6 тыс. новгородцев (они названы «воями Володимеровыми») оказались выброшенными на берег безоружными и без воевод, Вышата отказался возвращаться на корабле и, высадившись на берег, произнес красивую речь: «Не иду к Ярославу. Аз иду с ними; аще жив буду — с ними, аще ли погыбну — то с дружиною»³⁰.

Конечно, для этих подробностей можно допустить и устный источник — рассказы самого Вышаты или его сына Яна, друга летописца, но в то же время повествованию о героизме новгородского воеводы в 1043 г. должно было найтись то или иное место и в летописи, воспевающей героизм его деда и законченной лет десять спустя после возвращения Вышаты Остромирича на Русь, когда летописец мог воспользоваться его рассказом.

Последние записи «Остромировой летописи» дают хронику новгородской жизни времени княжения в Новгороде Владимира Ярославича, с которыми, повидимому (может быть, из-за его молодости), местное боярство ладило³¹.

Летопись завершалась, судя по всем данным, двумя поставленными рядом записями об Остромире: в 1054 г. после смерти Ярослава он стал посадником, а несколько лет спустя погиб на войне с чудью.

Остромирово евангелие 1056—1057 гг. помогло, во-первых, распутать летописную запись, а во-вторых, показало, что политическая программа посадника Остромира в 1057 г. была необычайно близка к политической программе летописца. И там и здесь мы постоянно видим стремление обязательно упомянуть северную, новгородскую половину русских земель наряду с южной, киевской. В летописи всегда действующими силами являются словене и русь (в смысле киевлян).

«Русская Правда» знает тоже только словенина и русина. Других областных названий в общерусских вопросах летопись не употребляет.

Остромирово евангелие точно так же говорит только о двух волостях — о Киеве и Новгороде. В Киеве Изяслав наследовал владения князя Ярослава; в Новгороде Остромир получил в наследство владения князя Владимира. Этой горделивой формулой, уравнивающей новгородских посадников с киевскими князьями, Остромир посмертно унижал Ярослава, как бы лишая его титула «самовластца во всей Русской земле».

Открытая неприязнь «Остромировой летописи» к князю Ярославу (которого очень трудно назвать «Мудрым» на основании данных этой летописи) легко объясняется поступками самого князя. Авторитарические стремления киевского князя приводили неизбежно к конфликтам с новгородским боярством; убийство посадника Константина Добрынича, которое могло быть произведено по политическим мотивам, объясняет нам многое: если летопись велась при дворе его сына (или очень близкого родственника) Остромира, то налицо сочетание как политической, так и личной окраски летописи. Сын мстил Ярославу за смерть отца и старался очернить князя перед потомством.

«Остромировой летописи» нельзя отказать в литературных достоинствах: автор использовал ряд новгородских и киевских источников, до-

³⁰ ПСРЛ. Т. V, стр. 137. Только через три года Вышата Остромирич возвратился к Ярославу из греческого плена. Шахматов считает, что подробности, касающиеся Вышаты, записаны летописцем Никоном, автором свода 1073 года. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 444. Однако нахождение их в составе Софийской 1-й летописи позволяет допустить и отношение их к своду 1050 года.

³¹ Владимиру, как и его отцу, ставилось в вину лишь доверие к варягам (эпизод 1043 года).

полнил их легендами и семейными преданиями и создал довольно стройный исторический труд.

Первой главой этого труда был рассказ о борьбе новгородцев с варягами и о поисках князя, который «ходил бы по всей воле» новгородской.

Второй главой явился рассказ о таком именно князе, найденном новгородцами среди сыновей Святослава. Это в то же время рассказ о могущественном предке новгородских посадников былинном герое Добрыне.

Третья глава описывает время посадника Константина, сына Добрыни, и длительное правление в Новгороде его убийцы — князя Ярослава Владимировича. Эта глава — политический памфлет на Ярослава. Его неумелости, жадности, трусости противопоставляется великодушие, смелость и удачливость новгородцев.

Ненависть вызывают варяги-наемники, служившие главной опорой княжеской власти Ярослава. Не довольствуясь мрачной характеристикой Ярослава как правителя и полководца, летописец хочет унизить его и как человека: он упоминает о публичном изнасиловании его матери и о том, что его сестра из-за его оплошности становится наложницей врага. Возможно, что повествование о новгородском княжении Ярослава первоначально писалось еще при дворе посадника Константина, жизнь которого оборвалась или около 1019 или после 1036 года³².

Четвертой и последней главой этого исторического труда было описание княжения Владимира Ярославича, дошедшее до нас в редакционной обработке ученика епископа Ефрема. Он много добавил славословий князю Ярославу, пытаясь нейтрализовать горечь от предшествующего раздела. Он добавлял киевские известия о строительстве, писал, что при Ярославе «нача вера христианская простирается...»; что «Ярослав был хотя и хромоног, но умен и храбр в бою и начитан».

Окончательная компоновка летописи, вероятно, производилась в 1054—1060 гг., и изложение ее было доведено до смерти Ярослава.

Участие Остромира, или дьякона Григория, писавшего для него в 1050-е годы евангелие, или кого-либо из ближайшего окружения Остромира и его сына Вышаты в создании этой летописи очень вероятно.

Смелый памфлет, направленный против самого великого князя киевского, ясное и последовательное проведение мысли о свободолюбии Новгорода свидетельствуют о зрелости новгородской общественной мысли. Новгородское боярство почти за столетие до восстания 1136 г. уже выступило с изложением как своего взгляда на исторические события, так и своей политической программы, сводившейся к добровольному приглашению или «выкармливанню» бесправных князей, ограниченных «грамотами» и обязанных не столько управлять, сколько оборонять Новгород.

Новгородское посадничье летописание с его антикняжескими и антиваряжскими настроениями влилось потом при помощи свода 1093—1095 гг. в общерусское летописание. Отсюда, из этой летописи посадников новгородских, легенда о призвании князей-варягов попала в русскую историю и получила уже в XII в. совершенно иное толкование, прямо противоположное замыслу «Остромировой летописи», на всем своем протяжении не уставшей упрекать варягов за свойственные наемникам, по мнению летописца, буйство, жадность и трусость.

³² В летописях XI в. давно уже отмечена странная двойственность событий, которая, вероятно, объясняется путаницей. Грамота Ярослава Новгороду упоминается под 1016 и под 1036 годами. Набег печенегов на Киев упоминается под 1017 и под 1036 годами. Постройка Софийского собора в Киеве упоминается под 1017 и под 1036 гг. (см. К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб. 1868. Приложение, стр. 39). Возможно, что перемещение какого-либо одного известия или смонтированного в летопись документа повлекло за собой удвоение других известий. Шахматов, как известно, предполагал наличие новгородской летописи 1017 и 1036 гг., вошедшей в свод 1050 года.